

Алена Яворская

«О, граждане воры...»

У нашего города к концу девятнадцатого века сложилась репутация если не воровской столицы, то воровской «мамы». «Ростов-папа», «Одесса-мама»...

Но по легенде, одесские воры никогда не покушались на имущество адвокатов, врачей и актеров. И если с первыми двумя профессиями понятно – защищают и лечат, – то неистребимая тяга всех одесситов (в том числе и с криминальными наклонностями) к искусству просто поражает.

Легенда легендой, но, к моему изумлению, подтвержденная документально. В одну из холодных зим, перелистывая в Горьковке (она же Публичка) старые газеты, я прочла небольшую заметку «Воровская этика». Январь 1918. В Петрограде уже революция, до Одессы она пока не дошла. Но молодая милиция, как и старая полиция, с бандитами справиться не может. Ранним утром врач шел на работу – в лазарет одесской тюрьмы. Шел, естественно, пешком, через тогда дикое и пустынное Куликово поле. Одет был по-зимнему – в теплую бобровую шубу и шапку, нес чемоданчик с инструментами. К нему подошли трое молодых людей и вежливо предложили отдать им шубу, шапку и чемоданчик. Врач взмолился: «Оставьте инструменты, я же врач, вам они не пригодятся». Воры проверили его документы, вернули шубу, нахлобучили шапку и так же вежливо предложили проводить до места работы. Отстали они за квартал от тюрьмы, все так же вежливо распрощавшись. Врач в тюремном лазарете рассказал об этом происшествии своему больному, старому вору. Тот заявил с достоинством: «Шо вы хотите! У нас тоже есть своя этика!».

Итак, документально подтверждено – врачей не грабили. А вот с поэтами и актерами все же было сложнее.

Еще задолго до революции ограбили Петра Сторицына, поэта, издателя знаменитых поэтических одесских альманахов. Сторицын был известен тем, что стихи мог писать по любому поводу. И вот после серьезной заметки «Одесских новостей»: «В ночь на 9 августа воры проникли через окно с улицы в квартиру Петра Сторицына <...> похитив при этом весь гардероб, бумажник с деньгами, серебряные часы, всего на сумму около 1000 руб.» – газета помещает длинный горестный монолог ограбленного поэта:

О, граждане воры! Верните
Часы мне и паспорт скорей,
Ведь вас в «Новостях» под защиту
Поэзии взял я своей.
На что вам мой паспорт, скажите,
Ответьте хотя бы письмом,
Затем как друзья приходите
Пить чай в мой безрадостный дом.

А другой одесский поэт, Вениамин Бабаджан, в стихах описывает нелегкую воровскую долю:

Два вора, встретясь в переулке,
Пеняли на голодный день:
«Совсем не ходят на прогулки –
Боятся, что ли, или лень.
Опять же – скверная погода,
И все засели по домам.
Плохое осень время года,
Совсем наживы нет ворам».
Бог все слышал, и жалко стало
Ему заблудших малых сих.
Луна на небе просияла,
И ветер в улицах затих.
И вот на площади пустынной
При свете трепетной луны

Забрали воры два с полтиной
У подполковничьей жены.
Так Бог печется равномерно
О счастье стада своего.
И то, что зло для одного,
Для двух других совсем не скверно.

Что примечательно и символично – стихотворение датировано 7 ноября 1917. В этот день в Петрограде произошла революция.

Революция, как известно, смещает нормы этики, даже воровской. И уже в феврале 1918 одесские артисты горестно взывают к совести представителей уголовного мира:

«К товарищам вора́м и налетчикам! В субботу, 23 февраля, в зале Гарнизонного собрания мы, безработные артисты при союзе безработной трудовой интеллигенции, устраиваем спектакль-кабаре. Не имея возможности угрожать вам репрессиями, но желая предоставить гражданам безопасное посещение нашего спектакля, взываем к вашей чести и просим принять меры, дабы эта ночь прошла без эксцессов.

Группа безработных артистов».

Трудно сказать, возымело ли это действие, скорее уж могло повлиять похожее обращение от матросов зловещего крейсера «Алмаз». Они тоже проводили благотворительный спектакль в пользу раненых, но как раз репрессиями тем, кто посмеет ограбить актеров и зрителей, и угрожали.

А между тем актеров грабили, невзирая на популярность. Говорят, одесские воры рыдали над песнями Вертинского. И что же? В октябре 1918 журнал «Фигаро» сообщает: «Во вторник, 29 сего месяца, из номера «Большой Московской гостиницы», занимаемой А.Н. Вертинским, была совершена кража гардероба артиста на сумму в 20 тысяч рублей».

Через пару дней разрекламированный ранее концерт состоялся, но в чем же пел бедный Вертинский? Старые одесситы рассказывали, что люди Мишки Япончика строго наказывали залетных бандитов, порочащих честное имя одесских налетчиков, но Вертинскому, похоже, ничего не вернули. Надо отметить, что через

год бесстрашный Вергинский вновь появился в Одессе. И сбор от первого концерта достиг 70 тысяч. Так что в итоге он все же оказался в выигрыше.

Уже в те годы стало понятно, что легкой жизни у сатирика быть не может. Все знают, хоть по названию, песенку «Как на Дерibasовской угол Ришельевской». Казалось бы, угол этот выбран для смеха: центр города же – ну что здесь может случиться плохого?

Но вот подлинное происшествие 1919 года: «У юмориста Александра Франка на днях в центре города (Дерibasовская угол Ришельевской) тремя злоумышленниками было снято пальто». Днем или ночью – в заметке не уточнялось.

Вообще, у респектабельной Ришельевской сложилась в те годы криминальная репутация. Александр Козачинский позднее написал в «Зеленом фургоне»: «...гимназистка седьмого класса Дуська Верцинская, известная под кличкой Дуська-Жарь, совершила за вечер восемнадцать налетов на одной Ришельевской улице и только по четной ее стороне».

Дамы, юность которых пришлось на эти годы, вспоминали позднее: «Идешь в гости или на вечер поэтов – надо взять с собой и платочек, и шляпку. Шляпку на Дерibasовской надевали, а на Старопортофранковской меняли ее на платочек. Это чтоб везде быть своей, чтоб не раздели».

А вот еще одно свидетельство очевидца. Юная Нина Гернет занималась «сокольской гимнастикой». Дорога на занятия была опасной: «Темно. Очень темно. Тихо. Похожие на призрачные тени – порождение ночи, бесшумно бродят угрюмые псы. Спаянными кучками деловито проходят сниматели пальто, изредка дружески перестреливаясь со снимателями туфель и полуботинок. Из полуоткрытых черных ворот кое-где выглядывает пара наполненных почти мистическим страхом глаз, а старая калитка ритмично стучит в такт держащейся за нее дрожащей руке. Это – домовая охрана. <...> Сниматели всех частей одежды объединенно бранят трусливых обывателей и выстреливают свои инициалы в стенах самых высоких домов. Псы злорадно ухмыляются, радуясь, что у них нет ботинок, а мы молча выбираем самые неосвященные улицы».

Впрочем, похоже, у «снимателей» тоже была определенная этика. Константин Паустовский в повести «Начало неведомого века» описывал историю, которая случилась в конце 1919 с ним и Яшей Лифшицем.

«Мы шли с «Яшей на колесах» на Черноморскую, выбирая тихие переулки, чтобы поменьше встречаться с патрулями. В одном из переулков из подъезда вышло два молодых человека в одинаковых жокейских кепках. Они остановились на тротуаре и закурили. Мы шли им навстречу, но молодые люди не двигались.

Казалось, они поджидали нас.

– Бандиты, – сказал я тихо Яше, но он только недоверчиво фыркнул и пробормотал:

– Глупости! Бандиты не работают в таких безлюдных переулках. Надо их проверить.

– Как?

– Подойти и заговорить с ними. И все будет ясно.

У Яши была житейская теория – всегда идти напролом, в лоб опасности. Он уверял, что благодаря этой теории счастливо избежал многих неприятностей.

– О чем же говорить? – спросил я с недоумением.

– Все равно. Это не имеет значения.

Яша быстро подошел к молодым людям и совершенно неожиданно спросил:

– Скажите, пожалуйста, как нам пройти на Черноморскую улицу?

Молодые люди очень вежливо начали объяснять Яше, как пройти на Черноморскую. Путь был сложный, и объясняли они долго, тем более что Яша все время их переспрашивал.

Яша поблагодарил молодых людей, и мы пошли дальше.

– Вот видите, – сказал с торжеством Яша. – Мой метод действует безошибочно.

Я согласился с этим, но в ту же минуту молодые люди окликнули нас. Мы остановились. Они подошли, и один из них сказал:

– Вы, конечно, знаете, что по пути на Черноморскую около Александровского парка со всех прохожих снимают пальто.

– Ну уж и со всех! – весело ответил Яша.

– Почти со всех, – поправился молодой человек и улыбнулся. – С вас пальто снимут. Это безусловно. Поэтому лучше снимите его

сами здесь. Вам же совершенно все равно, где вас разденут – в Александровском парке или в Канатном переулке. Как вы думаете?

– Да, пожалуй... – растерянно ответил Яша.

– Так вот, будьте настолько любезны.

Молодой человек вынул из рукава финку. Я еще не видел таких длинных, красивых и, очевидно, острых, как бритва, финок. Клинок финки висел в воздухе на уровне Яшиного живота.

– Если вас это не затруднит, – сказал молодой человек с финкой, – то выньте из кармана пальто все, что вам нужно, кроме денег. Так! Благодарю вас! Спокойной ночи. Нет, нет, не беспокойтесь, – обернулся он ко мне, – нам хватит и одного пальто. Жадность – мать всех пороков. Идите спокойно, но не оглядывайтесь. С оглядкой, знаете, ничего серьезного не добьетесь в жизни.

Мы ушли, даже не очень обескураженные этим случаем. Яша всю дорогу ждал, когда же и с меня снимут пальто, но этого не случилось. И Яша вдруг помрачнел и надулся на меня, будто я мог знать, почему сняли пальто только с него, или был наводчиком и работал «в доле» с бандитами.

Паустовский написал это в конце 1950-х, по памяти.

А Надежда Тэффи описала одесский быт в конце 1920-х.: «Горожане все-таки вылезали по вечерам из своих нетопленых квартир. Уходили в клубы, в театры, поугаать друг друга страшными слухами. Для возвращения по домам собирались группами и приглашали охрану – человек пять студентов, вооруженных чем бог послал. Кольца засовывали за щеку, часы – в башмак. Помогало мало.

– Он, подлец, слушает, где тикает, – туда и лезет. Я и говорю – это сердце от страха... Да разве они честному человеку поверят!»

И Паустовский, и Тэффи вспоминали. А вот одесский юморист, укрывшийся за псевдонимом Фернандо, описывал все в 1919 по горячим следам:

Хоть средь людного проспекта,
Невзирая ни на что
Вас порою «в сером некто»
Приглашает снять пальто.

Но грабеж, пальба и стычка
Одесситу – трын-трава...

Одесские газеты тех лет пестрят объявлениями примерно такого содержания: «Прошу (Умоляю) вора (лицо, укравшее у меня), похитившего у меня бумажник с деньгами и документами, деньги оставить себе, а документы вернуть мне».

Впрочем, воры были разные. Об одном, оставшемся в строчке стихов Багрицкого «Там банк Мозжухину срывает // Фартовый парень – Ленька Грек», упоминала Зинаида Шишова в 1935: «Толстый и легкий Ленька Грек».

Валентин Катаев в 1985, в самой загадочной своей повести «Спящий», описывает неудачливого налетчика, дружившего с одесскими поэтами:

«Опустевшая привокзальная площадь каким-то образом превратилась в игорный дом, куда вдруг ворвался налетчик с наганом в руке. Это был Ленька Грек. В его полудетском лице с короткими черными бровями, в его средиземноморской улыбке было несомненно нечто греческое. В порту его называли «грек Пиндос на паре колес».

Короткие кривоватые ноги в задрипанных брюках, кепка блином, неопределенного цвета куртка, застиранная тельняшка.

Его театральное появление в дверях с красными плюшевыми портьерами, обшитыми золотым позументом с кистями, придававшими залу оттенок если не кабаре, то, во всяком случае, публичного дома средней руки, вызвало оцепенение. Ленька Грек почему-то считал, что большинство игроков иностранцы, главным образом французы. Поэтому он заранее приготовил французскую фразу, которой его научил на яхте некто Манфред, образованный молодой человек. Фраза эта должна была представлять нечто вроде русского «соблюдайте спокойствие». Эта фраза, произнесенная Ленькой Греком якобы по-французски, но с ужасающим черноморским акцентом, ошеломила не только всех присутствующих, но даже и самого налетчика, пораженного собственной наглостью, когда он с усилием выдавил из себя хриплым голосом: «Суаз транкиль!». Сначала все окаменели. Но потом что-то произошло непредвиденное. Один из игроков рассмеялся, и налет не получился.

Не успел Ленька Грек подойти к зеленому столу и хапнуть кучку золотых десятков царской чеканки, как кто-то неожиданно вырвал у него из рук наган и дал ему крепко по шее.

Это было естественно: все поняли, что налетчик одиночка, работает без товарищей, и справиться с ним нетрудно.

– Что ж вы деретесь! – плаксиво, с обидой в голосе проныл Ленька Грек и, вырвавшись из чьих-то рук в твердых крахмальных манжетах с золотыми запонками, кинулся вперед, опрокинул стол и, отбиваясь руками и ногами, бросился вон из зала. И как раз вовремя: уже послышались свистки Державной Варты.

Сильно потрепанный, он выскочил на улицу, юркнул в переулок, добрался через несколько проходных дворов до городского сквера, пустынного в этот ночной час, и, как ящерица, скрылся в щели между стеной оперного театра и кафе-кондитерской, известной своими меренгами со взбитыми сливками и пуншем глясе с настоящим ямайским ромом «Голова негра».

Но вернемся к актерам и зрителям. В 1919 Борис Флит (он же Незнакомец) иронически описывает тяжелую жизнь публики в фельетоне «Одесские театралы»:

«– Почему, – спросил я одесского интеллигента, – вы не ходите в театр? Неужели вы забыли завет Белинского: «Идите в театр, умрите в театре?»

– Какого Белинского? – удивился он. – Ах да, в Одессе улица есть. Знаменитый трагик? Ну, знаете ли, теперь надо это изречение изменить: «Идите в театр, умрите после театра».

– Это почему?

– А попробуйте не отдать добровольно вашего пальто. Останетесь в живых? Нет уж, не пойду я лучше в театр... О пьесе я прочту рецензию и всегда смогу сказать, что я был в театре...

* * *

Одесская театралка объяснила мне, почему она не ходит теперь в театр:

– Нельзя раздеваться! Холодно! Ну как же я надену платье с большим декольте? Бриллианты мне мой Сенечка тоже не разрешает по вечерам надевать. Он говорит – не для того я трудился и «делал» кофе, перец, изюм, чирсы, дрова, чтобы ты возвращалась из театра...

Так он таки прав, если не хочет, чтобы я ездила в театр. На днях мадам Цыпоркес возвращалась из театра, так у нее уши с серьгами вырвали. Ушей, конечно, не жалко, но серьги в 3 квадрата. А квадрат теперь 40 тысяч.

Я очень люблю театр, но подумайте сами...

Театралка упорхнула, мило сделав мне ручкой.

Бедные одесские театры!..»

Прошло три года. И вот уже в апреле 1922 Л.М. Чацкий описывает окончательное падение воровских традиций.

«Бандиты... театралы

Артист госдрамы т. Ардашев, возвращаясь несколько недель тому назад после спектакля, был ночью на улице Новосельской остановлен налетчиками, которые предложили артисту снять пальто.

Желая показать, что они имеют дело не с «жирным гусем», т. Ардашев назвал себя.

Произошел любопытный диалог:

– Ардаров?

– Мы вас хорошо знаем.

– Каждую неделю смотрим вас в театре. Но нам сейчас не до театра...

И, отобрав у актера летнее пальто и фрачные брюки, «меценаты» милостиво отпустили т. Ардарова.

Думаем, что артист и не мечтал о столь рьяных поклонниках своего таланта».

О времена, о нравы...

